

УДК 93/94

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-2-297-304

**МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ И СУБЪЕКТЫ
КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА РУБЕЖОМ:
ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**THE LOCAL AUTHORITIES OF THE GERMAN LANDS AND SUBJECTS
OF THE COLONIZATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE ABROAD:
THE EXPERIENCE OF THE INTERACTION**

Г.В. Ибнеева, А.И. Лебедева

G.V. Ibneyeva, A.I. Lebedeva

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Kazan (Volga region) State University,
18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russia

E-mail: guzel.ibneyeva@yandex.ru, performance0707@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема взаимодействия субъектов колониционной политики Российской империи с местными властями иностранных государств в 60-е гг. XVIII в. На основании архивных источников авторы выделяют основные сюжеты, иллюстрирующие характер взаимоотношений агентов, занимающихся вербовкой и отправкой потенциальных колонистов в Россию, с магистратами германских земель. Авторы приходят к выводу, что опыт, накопленный в результате взаимодействия с местными властями в указанный период, позволил выработать основные пути решения задач по освоению незаселенных территорий и оказал значительное влияние на проведение колониционной политики Российской империи на протяжении последующих десятилетий.

Abstract

This article deals with the problem of interaction of subjects of the Russian Empire's colonization policy with the local authorities of foreign states in the 60s of the XVIII century. Based on archival sources, the authors identify the main subjects that illustrate the nature of the relationship of agents involved in recruiting and sending potential colonists to Russia, with magistrates of the German lands. It is noted that the relations of the subjects with the local German authorities evolved ambiguously. Thus, the Russian government was forced to adapt to the requirements of each individual region in Germany, since there was no single German state at that time. In addition, the direct mechanism for calling colonists to the Russian Empire was only in the initial formation and was not debugged. Furthermore, the lack of a clear structure in the hierarchy of the conductors of the colonization policy also adversely affected the relations between the German authorities and the agents of the Russian Empire. The authors conclude that the experience gained because of interaction with local authorities during this period, allowed to develop the main ways of solving the problems of development of uninhabited territories and had a significant impact on the colonization policy of the Russian Empire over the next decades.

Ключевые слова: колонизация, вызыватели, комиссары, агитаторы, посланники, вербовка и вызов колонистов, императрица Екатерина II, колониционная политика, местные власти.

Keywords: colonization, summoners, commissioners, canvassers, messengers, conscription and the call of the colonists, the Empress Catherine II's colonization policy, the local authorities.

Начало 60-х гг. XVIII века – время становления колониционной политики Екатерины II, что было связано, в первую очередь, с необходимостью освоения присоединенных к государству территорий. Интеграция новых земель в состав страны представляла собой основную цель проведения политики привлечения и переселения иностранцев на пустующие территории [Ибнеева и др., 2014, с. 268]. Обращение к подобной мере было обусловлено недостатком внутренних ресурсов для колонизации. Незыблемое существование крепостного права в России предопределило отсутствие рынка свободной рабочей силы [Ибнеева и др., 2018, с. 142].

Именно в эти годы формируются механизм вызова иностранных колонистов, а также структурное оформление системы агентов Российской империи за рубежом [Логунова, 2012, с. 25]. В данную структуру входили следующие субъекты: дипломатические посланники, агитаторы, комиссары, коронные и частные вызыватели, второстепенные эмиссары-вербовщики и переводчики.

Объектом изучения в данной статье является взаимодействие субъектов колониционной политики с местными властями иностранных государств. Подобно выработке основных принципов и правил вызова и отправки колонистов в Россию из заграницы механизм взаимоотношений указанных групп также находился в 1760-е гг. на стадии формирования [Логунова, 2013, с. 227]. Данным фактом обуславливается определенная непоследовательность и противоречивость во взаимодействиях между ними.

Исходя из того, что субъекты колониционной политики представляли собой неоднородную структуру с различными правами и обязанностями, целесообразным представляется уточнение их функций. Так, первоначальными проводниками колониционной политики России за рубежом стали дипломатические посланники, на которых была возложена обязанность распространения манифестов императрицы Екатерины II с приглашением колонистов переселиться в Россию. Основным и единственным инструментом решения поставленной задачи являлись средства массовой информации – газеты. Однако потенциальные колонисты, в которых нуждалась Россия – хлебопашцы – в подавляющем большинстве не владели грамотой и, следовательно, не читали газет [Шпилевский, 1871, с. 39].

Для распространения условий переселения иностранцев в Россию, в основном, среди сельского населения было принято решение нанимать специальных людей – агитаторов. Вместе с тем взаимоотношения с данной группой лиц могло нежелательным образом сказаться на репутации дипломатических посланников, которым агитаторы первоначально были подотчетны [Немцы-колонисты..., 2004, с. 204].

Для решения данной проблемы была учреждена должность комиссара, на которую изначально было назначено три человека в разных германских городах (в Любеке, Ульме и Франкфурте). Комиссары выступали посредниками между агитаторами и дипломатическими посланниками: они не занимались непосредственно вербовкой колонистов (данная задача входила в компетенцию агитаторов) и не осуществляли общий контроль над выполнением задач колониционной политики России за рубежом (данный вопрос курировали дипломаты). В функции комиссаров, главным образом, входило осуществление отбора достойных кандидатов среди завербованных агитаторами колонистов и их отправка в Россию.

По набору полномочий к агитаторам была близка и такая группа субъектов, как вызыватели. Они также занимались вербовкой потенциальных колонистов. Кроме этого, им в качестве задачи ставилась и отправка иностранцев в Россию. Вызыватели наблюдали за потенциальными колонистами, которых до отправления водным путем в Российскую империю следовало собрать в одном месте.

Следует заметить, что вызыватели не являлись однородной группой: они подразделялись на коронных и частных. Отличие между ними заключалось в следующем: первые вступали в договорные отношения непосредственно с Канцелярией опекуства иностранных и не находились в сфере влияния дипломатических посланников; вторые же заключали контракт с комиссарами и подчинялись дипломатам. Данный факт также отразился на взаимоотношениях субъектов колониционной политики с местными властями за рубежом.

В это время основная часть колонистов набиралась в германских землях. Данный факт был обусловлен тем, что, во-первых, Германия не представляла собой единое государство, во-вторых, курфюршества и вольные города самостоятельно определяли свое отношение к эмиграции, и в-третьих, население этих территорий ввиду тяжелого положения (последствия Семилетней войны, обременительные налоги) находило выгодными условия переселения в Россию, озвученные в манифесте Екатерины II от 22 июля 1763 г. Согласно манифесту, иностранцам, отправлявшимся в Россию, предоставлялись существенные льготы и привилегии: свобода вероисповедания, освобождение от налогов на срок до 30 лет и от несения военной службы, а также право выбора земли из реестра для заведения хозяйства [О дозволении, с. 313–316].

Увеличившееся число местных жителей, уезжавших в Российскую империю, не могло остаться без внимания германских властей. В тех случаях, когда количество переселявшихся не вызывало беспокойства у магистрата, препятствий на пути вербовки иностранцев не возникало [Малиновский, 2010, с. 76]. В ситуациях же когда отток населения расценивался германскими властями как потенциальная угроза, вызыватели сталкивались с определёнными трудностями.

Деятельность по вербовке колонистов была связана с увеличением их концентрации в городах, являвшихся пунктами сбора на пути в Россию. Так, например, беспокойство подобной ситуацией высказал магистрат Регенсбурга [Бондарь, 1916, с. 22]. Опасаясь отрицательных последствий скопления столь значительного числа людей (распространения и инфекционных заболеваний), местные власти потребовали от И.М. Симолина «прекратить сборище российских переселенцев». Однако данное заявление означало не требование прекратить привлечение и отправку колонистов в Россию, используя Регенсбург как промежуточный пункт, а лишь указание уменьшить время их пребывания в городе¹.

Вместе с тем положение осложнялось тем, что структура агентов Российской империи за рубежом не была окончательно сформирована. Кроме того, среди субъектов колонизационной политики периодически возникали противоречия относительно ключевых вопросов процедуры вербовки и отправки иностранцев в Россию. Подобное положение вызывало несогласованность в их действиях. Данный факт можно считать одной из причин, обусловивших ряд конфликтных ситуаций между агентами колонизационной политики и властями иностранных государств [Bartlett, 1979, p. 209].

Особую роль в выработке механизма взаимодействия лиц, реализующих основные задачи колонизационной политики Российской империи, с местными властями сыграли: во-первых, циркулярные рескрипты, адресованные дипломатическим посланникам [Разъяснение, с. 571–572], и, во-вторых, инструкции, среди которых особое значение имела «Инструкция для российского императорского комиссара»², регламентирующая обязанности комиссаров. Согласно этим документам, всем субъектам, участвовавшим в вербовке и отправке колонистов в Россию, строго рекомендовалось соблюдать законы иностранного государства [О необходимых предосторожностях, с. 126–127]. Российская власть не имела намерений вступать в конфликты с местными властями, а наоборот, всячески старалась устранить причины возникающих разногласий³.

О своих намерениях по привлечению потенциальных колонистов Российская империя заявляла открыто – манифест от 22 июля 1763 г. был напечатан в иностранных газетах⁴. Кроме этого, в указе Екатерины II к вице-канцлеру Д.М. Голицыну от 12 августа 1763 г. давались следующие указания относительно вербовки иностранцев: «поступать со всякою благопристойностью, сообразно нашему и союзных дворов состоянию»⁵. В указе же (28 ноября 1763 г.) к генерал-фельдмаршалу А.М. Голицыну императрица подчерки-

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 2. Оп. 6 (2). Д. 4273. Л. 347.

² Там же. Л. 52.

³ Там же. Л. 52.

⁴ Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 13. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 15 об.

вает необходимость того, чтобы дипломатические посланники вели набор колонистов исключительно в тех местах, где это не запрещено¹.

В процессе активизации деятельности вызывателей некоторые территории, где до этого эмиграция была разрешена, уже в 1764 г. начинают вводить на нее запрет «под угрозой наказания и лишения живота»². С помощью столь сурового наказания в отношении собственного населения власти стремились свести к минимуму число эмигрантов [Клаус, 1869, с. 187].

Учреждение в 1765 г. должности комиссаров, на которых были возложены функции вербовки и отправки иностранцев в Россию, стало причиной ряда конфликтных ситуаций между магистратами вольных городов и комиссарами.

Так, показательным стал случай с комиссаром Иоганном Фациусом (Johann Facius), назначенным во Франкфурт в 1765 г. Для допуска Фациуса к работе местные власти требовали от него предоставить аккредитацию от императрицы – письменное разъяснение возлагаемых на него полномочий. Примечательно, что соблюдение данного условия не предъявлялось к комиссарам, назначенным в Любеке и Ульме³. Последние были аккредитованы министром И.М. Симолиным и чрезвычайным посланником Мусиным-Пушкиным.

Вместе с тем магистрат города Франкфурта настаивал на том, чтобы в аккредитации был указан «предмет комиссионерской должности, ибо если он набор и вывоз немецких колонистов в Россию исправлять имеет, то на сие потребно наперед действительное соизволение Его Величества императора Священной Римской империи»⁴. Тем самым местные органы стремились обезопасить себя от недовольства центральной власти.

В своей реляции от 24 ноября 1765 г. И.М. Симолин обращает внимание на тот факт, что вышеупомянутые требования магистрата касаются исключительно вербовки на военную службу, а вызыватели Российской империи занимаются «безвредным собиранием вольных колонистов»⁵. Кроме того, бургомистр и ратманы города Франкфурт указывают в своих ответных письмах И.М. Симолину на наличие аккредитации от глав государств у комиссаров из других стран, используя данный факт как аргумент в пользу законности своего требования.

Данный случай демонстрирует настороженность германских властей, а также обеспокоенность возможной нелегальной деятельности российских агентов по вербовке потенциальных колонистов [Дитц, 1997, с. 58]. Вероятно, подобные действия Франкфуртского магистрата были направлены на то, чтобы в определенной степени затормозить процесс эмиграции, хотя на официальном уровне она не была запрещена. Поэтому И. Фациусу было разрешено проживать во Франкфурте без аккредитации императрицы только в течение трех месяцев.

По истечении данного срока И. Фациус был переведен в Бюдинген (центр графства Изенбург-Бюдинген)⁶. Власти этого города встретили комиссара очень доброжелательно. Ему были предоставлены все условия для выполнения возложенных на него задач: помещения для колонистов, а также продовольственные запасы по рыночной цене. Сам граф Бюдингенский заявил, что И. Фациус может обращаться к нему при малейшем затруднении⁷. Подобное отношение к российским агентам вероятно могло служить демонстрацией независимой политики ряда земель и городов от власти императора Священной Римской империи [Lebedeva, 2018, p. 114].

Однако возможной причиной столь лояльного и благосклонного отношения к российскому комиссару со стороны местных германских властей могло стать и тщеславие

¹ АВГРИ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 13. Л. 74 об.

² Там же. Д. 16. Л. 384.

³ Там же. Л. 305 об.

⁴ Там же. Л. 309 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 216. Д. 4275. Л. 17 об.

⁷ Там же. Л. 17 об.

графа. Так, И. Фациусу стало известно, что графский дом города Бюдингген почтет за честь и «высокое одолжение», если императрица Екатерина II пожалует орден св. Александра Невского графу Фердинанду Казимиру Изенбург-Вехстерсбахскому. В своей реляции от 23 февраля 1766 г. И.М. Симолин высказывает мнение, что упомянутого графа стоит наградить «ради будущей пользы»¹. Дипломатический посланник желал в сложившейся ситуации заручиться поддержкой местных властей и упростить процедуру набора и оправки иностранцев в Россию.

В целом взаимоотношения местных властей с комиссарами не вызывали особых проблем в отличие от ситуации с частными вызывателями. Именно их деятельность становилась основной причиной недовольства местных городских властей. Важной мотивацией в работе вызывателей являлась их особая материальная заинтересованность [Очерки, 1999, с. 208]. Согласно заключаемому ими с Канцелярией опекунства иностранных контракту, вознаграждение вызывателей напрямую зависело от количества завербованных колонистов. Именно поэтому частные вызыватели набирали людей, во-первых, без какого-либо отбора и, во-вторых, зачастую осуществляли свою деятельность в тех регионах, где это было запрещено. Множество подобных случаев зафиксировано в делопроизводительной документации, отложившейся в Архиве внешней политике Российской империи.

Показательной в этом отношении является деятельность частного вызывателя М. Штеина. Вопросы к его действиям возникали как со стороны российских, так и со стороны германских властей [Шлейхер, 1990, с. 43]. Как пишет И.М. Симолин в письме к вице-канцлеру Д.М. Голицыну от 17 апреля 1766 г., он не обладает никакой информацией относительно личности М. Штеина. Однако последний набирает колонистов в землях, где это не разрешено. По мнению И.М. Симолина, фактором, сдерживающим незаконную деятельность частных вызывателей, должен был стать пункт в договоре с Канцелярией опекунства иностранных об их обязанностях [Штах, 1916, с. 81]. В частности, дипломатический посланник настаивал на внесении в контракт пункта, по которому деятельность частных вызывателей становилась подконтрольной российским дипломатам. Таким образом, дипломаты смогли бы курировать деятельность частных вызывателей, пресекать попытки нелегальной деятельности, а также оказывать на них воздействие в виде конкретных санкций².

Нелегальная деятельность М. Штеина спровоцировала ответную реакцию со стороны властей города Майнц – нарушитель закона был посажен в тюрьму. Российская власть предпочла остаться в стороне и не вмешиваться в сложившуюся ситуацию [Скальковский, 1836, с. 61]. Данное решение выглядит вполне обоснованным в силу того, что М. Штеин официально не являлся агентом по набору колонистов, поскольку не заключал контракт с Канцелярией опекунства иностранных. Кроме того, защитой нарушителя закона российская власть могла спровоцировать ухудшение отношений с местными властями.

Диаметрально противоположная ситуация сложилась с коронным вызывателем Флорентином. В результате конфликта с караулом города Любек он был взят под стражу³. Здесь уже российская власть в лице И.М. Симолина предпринимала разные попытки повлиять на Любекский магистрат с тем, чтобы последний освободил вызывателя. В качестве основного аргумента приводился тот факт, что нахождение данного агента на службе Ее Императорского Величества в течение двух лет не было отмечено поступками, негативно повлиявшими на репутацию Флорентина. Городской магистрат согласился отпустить вызывателя, однако лишь при условии наличия поручительства за него от императорского двора. После удовлетворения всех предъявленных требований (требования не могут быть получены) Флорентин был освобожден⁴.

Вместе с тем стоит отметить, что российская власть вступилась за коронного вызывателя не только по причине наличия между ними договорных отношений. Главным моти-

¹ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 16. Д. 4275. Л. 33.

² Там же. Д. 4274. Л. 67 об.

³ Там же. Оп. 6 (1). Д. 4272. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 33.

вом ее действий являлось стремление вернуть деньги, взятые Флорентином на вызов и отправку иностранцев в Россию. Решение задач колонизационной политики требовало от российского правительства вложения больших денежных средств, и их экономия являлась одним из основных принципов реализации политики привлечения и переселения колонистов¹.

В 1766 г. наборы немецких колонистов, производимые агентами Российской империи, начинают вызывать сильное неудовольствие властей немецких княжеств [Плеве, 2000, с. 109]. Особую нетерпимость в этом отношении проявляли князья Баварского курфюршества. Так, в марте 1766 г. магистрат имперского вольного города Вормса под давлением высших должностных лиц был вынужден отказать российским вызывателям в предоставлении возможности совершать вербовку и отправку переселенцев в Россию². А уже в мае того же года вербовка колонистов по всей Баварии была запрещена³.

Таким образом, взаимоотношения агентов Российской империи и местных властей германских земель по набору немецких колонистов невозможно охарактеризовать однозначно: они носили амбивалентный характер. В тех случаях, когда городские власти усматривали в деятельности российских вызывателей определенную пользу (доходы от сдачи в аренду территорий больших площадей для размещения колонистов, прибыль, полученная от продажи продуктов и т. д.), препятствий на пути решения задач колонизационной политики не появлялось.

В ситуациях же, являвшихся, по мнению магистратов, опасными для городов (распространение болезней из-за скопления большого количества людей, значительный отток завербованного немецкого населения), местные власти предпринимали различные меры, направленные на прекращение набора и отправки колонистов в Россию: арест вызывателей, притеснения комиссаров, прямые распоряжения и рекомендации о запрете сбора колонистов [Писаревский, 1909, с. 62].

Складыванию подобной неоднозначности во взаимоотношениях местных германских властей и российских агентов способствовало несколько факторов. Во-первых, отсутствие единого Германского государства вынуждало российскую власть приспосабливаться к условиям в каждом конкретном государственном образовании (вольном городе, курфюршестве), а также учитывать особенности его законодательства и личные убеждения его высших должностных лиц. Во-вторых, непосредственно механизм вызова колонистов в Российскую империю находился на стадии формирования и не был отлажен. В-третьих, отсутствие четкой структуры в иерархии проводников колонизационной политики также отрицательно сказывалось на взаимоотношениях германских властей с агентами Российской империи.

В связи с прекращением вызова колонистов в 1766 г. взаимоотношения субъектов колонизационной политики России и местных германских властей прекратились. Однако после возобновления набора и отправки колонистов в Россию в 1770-х гг. накопленный опыт взаимодействия оказался полезен и повлиял на дальнейший ход решения задач колонизационной политики Российской империи.

Список литературы References

1. Бондарь С.Д. 1916. Секта меннонитов в России (в связи с немецкой колонизацией на юге России). Петроград, Типография В.Д. Смирнова, 200.
  2. Дитц Я. 1997. История поволжских немцев-колонистов. М., Готика, 349.
- Ditts Ya. 1997. Istorija povolzhskikh nemtsev-kolonistov. M., Gotika, 349.

¹ АВГРИ. Ф. 2. Оп. 6 (1). Д. 4272. Л. 10.

² Там же. Оп. 216. Д. 4275. Л. 74 об.

³ Там же. Л. 383.

3. Ибнеева Г.В., Лебедева А.И. Вызов иностранных переселенцев в 1760-е гг.: первый этап колонизационной политики Екатерины II. 2018. Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире, 1: 142–146.

Ibnееva G.V., Lebedeva A.I. Vyzov inostrannykh pereselentsev v 1760-e gg.: pervyy etap kolonizatsionnoy politiki Ekateriny II. 2018. Modernizatsiya kul'tury: sud'ba tsennostey v sovremennom mire, 1: 142–146.

4. Ибнеева Г.В., Попов И. Понятие колонизация в трудах современных англо-американских исследователей истории России. 2014. Ученые записки Казанского университета, 156 (3): 267–276.

Ibnееva G.V., Popov I. Ponyatie kolonizatsiya v trudakh sovremennykh anglo-amerikanskikh isledovateley istorii Rossii. 2014. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta, 156 (3): 267–276.

5. Клаус А.А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. 1869. СПб, Типография В.В. Нусвальта, 456.

Klaus A.A. Nashi kolonii. Opyt i materialy po istorii i statistike inostrannoy kolonizatsii v Rossii. 1869. SPb, Tipografiya V.V. Nusval'ta, 456.

6. Логунова А.И. 2013. Колонизация меннонитами Новороссии во время правления Екатерины II. Платоновские чтения: материалы и доклады XIX Всероссийской конференции молодых историков: 226–228.

Logunova A.I. 2013. Kolonizatsiya mennonitami Novorossii vo vremya pravleniya Ekateriny II. Platonovskie chteniya: materialy i doklady XIX Vserossiyskoy konferentsii molodykh istorikov: 226–228.

7. Логунова А.И. 2012. Политика Екатерины II в отношении колонистов в 60-е годы XVIII века. Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского Университета 2012 г.: сборник тезисов, 2: 25–26.

Logunova A.I. 2012. Politika Ekateriny II v otnoshenii kolonistov v 60-e gody XVIII veka. Itogovaya nauchno-obrazovatel'naya konferentsiya studentov Kazanskogo Universiteta 2012 g.: sbornik tezisev, 2: 25–26.

8. Малиновский Л.В. 2010. Социальная и хозяйственная история немецких колонистов в Южной России (1762–1917). Барнаул, Алтай, 233.

Malinovskiy L.V. 2010. Sotsial'naya i khozyaystvennaya istoriya nemetskikh kolonistov v Yuzhnoy Rossii (1762–1917). Barnaul, Altay, 233.

9. Лыкова Е.Е., Осекина М.И. 2004. Немцы-колонисты в век Екатерины. М., Древлехранилище, 355.

Lykova E.E., Osekina M.I. 2004. Nemtsy-kolonisty v vek Ekateriny. M., Drevlekhranilishche, 355.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб, Тип. имп. Канцелярии, 1830. Т. XVI: 313–316.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. pervoe. SPb, Tip. imp. Kantselyarii, 1830. T. XVI: 313–316.

11. Бобылева С.И., Бочарова С.И., Осташева Н.В., Тутик Л.С., Атаманенко С.В. 1999. Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII – первая четверть XIX вв.) Днепрпетровск., Арт-Пресс, 232.

Bobyleva S.I., Bocharova S.I., Ostasheva N.V., Tutik L.S., Atamanenko S.V. 1999. Ocherki istorii nemtsev i mennonitov Yuga Ukrainy (konets XVIII – pervaya chetvert' XIX vv.) Dnepropetrovsk., Art-Press, 232.

12. Писаревский Г. 1909. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., Печатня А.И. Снегиревой, 85.

Pisarevskiy G. 1909. Iz istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii v XVIII v. M., Pechatnya A.I. Snegirevoy, 85.

13. Плеве И.Р. 2000. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., Готика, 448.

Pleve I.R. 2000. Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroy polovine XVIII veka. M., Gotika, 448.

14. Скальковский А.А. 1836. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1731–1823. Одесса, Городская типография, 490.

Skal'kovskiy A.A. 1836. Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiyskogo kraya 1731–1823. Odessa, Gorodskaya tipografiya, 490.

15. Сборник Императорского Российского Исторического Общества. СПб, тип. Н.А. Лебедева, 1886. Т. 48: 571–572.

Sbornik Imperatorskogo Rossiyskogo Istoricheskogo Obshchestva. SPb, tip. N.A. Lebedeva, 1886. T. 48: 571–572.

16. Сборник Императорского Российского Исторического Общества. СПб, тип. Н.А. Лебедева, 1886. Т. 51: 126–127.

Sbornik Imperatorskogo Rossiyskogo Istoricheskogo Obshchestva. SPb, tip. N.A. Lebedeva, 1886. T. 51: 126–127.

17. Шлейхер И.И. 1990. Пособие по истории российских немцев: вторая половина XVIII–XX в. М., 115.

Shleykher I.I. 1990. Posobie po istorii rossiyskikh nemtsev: vtoraya polovina XVIII–XX v. M., 115.

18. Шпилевский М.М. 1871. Политика народонаселения в царствование Екатерины II. Одесса, типография Ульриха и Шульце, 201.

Shpilevskiy M.M. 1871. Politika narodonaseleniya v tsarstvovanie Ekateriny II. Odessa, tipografiya Ul'rikha i Shul'tse, 201.

19. Штах Я. 1916. Очерки по истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 382.

Shtakh Ya. 1916. Ocherki po istorii i sovremennoy zhizni yuzhnorusskikh kolonistov. M., 382.

20. Lebedeva A.I., Ibneyeva G.V., Popov I.A. (2018), Russian power and the colonists-mennonites in the second half of the eighteenth century: colonization policy and practices, Amazonia Investiga, 7 (15): 144–149.

21. Roger P. Bartlett. 1979. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia 1762–1804. Cambridge, 443.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Ибнеева Г.В., Лебедева А.И. 2019. Местные власти германских земель и субъекты колонизационной политики Российской империи за рубежом: опыт взаимодействия. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 46 (2): 297–304. Doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-297-304.

Ibneyeva G.V., Lebedeva A.I. 2019. The local authorities of the german lands and subjects of the colonization policy of the Russian empire abroad: the experience of the interaction. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 46 (2): 297–304 (in Russian). Doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-297-304.